

Vasilyeva A. V.

## COGNITIVE PROCESSING OF DIMINUTIVE IN GENDER ASPECT: EXPERIMENTAL STUDY

The purpose of the paper is to test the hypothesis that the expressiveness as a language category contrasts men and women equally in speech production and perception of language stimuli. The relevance of the research is determined by its inclusiveness in the domain of gender linguistics and cognitive linguistics, each of which is a perspective and upcoming area of modern science. The hypothesis is tested with the help of the psycholinguistic experiment: the subjects that are organized into groups by gender perform lexical decision task. In the result of the experiment the data was obtained indicating the absence of statistically significant differences between men and women in reaction time on expressive and non – expressive stimuli.

**Keywords:** *cognitive linguistics, experimental linguistics, language and gender, expressiveness, reaction time, E-prime.*

Vasilyeva A. V., student  
National Research Tomsk State University  
E-mail: alvasileva@mail.ru

Хлебникова А. Л.

## ЖЕСТКО ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены результаты исследования гендерных метафор в аспекте их моделирующих возможностей. Работа выполнена в рамках когнитивного исследования метафоры, в котором метафора понимается как когнитивный механизм, способ интерпретации действительности на основе аналогического уподобления предметов, явлений. Предметом анализа являются гендерные метафоры – именованья мужчин и женщин, выступающие в качестве средства маркирования «типично женских» и «типично мужских» качеств на основе уподобления явлениям разных понятийных рядов. Характеризуется один подтип гендерных метафор – жестко гендерно маркированные метафоры, т. е. такие, в которых противопоставление сферы-мишени «мужчина» и сферы-мишени «женщина» соотносится с разными типами сфер-источников моделирования. В качестве основных источников материала исследования метафор привлекаются данные толковых словарей русского языка. В результате анализа выявляются аспекты характеристики мужчины и женщины, основания метафорического уподобления и сферы-источники метафорического моделирования, проводится сравнительный анализ образов мужчин и женщин, сформированных в системе гендерных метафор в русской языковой картине мира.

**Ключевые слова:** *гендерная метафора, жестко гендерно маркированная метафора, гендерный стереотип, картина мира, сфера-мишень, сфера-источник.*

Гендерная проблематика как один из аспектов влияния социальных параметров на язык актуализировалась в русской лингвистике в начале XXI в. Отметим наиболее значительные работы Е. И. Горошко, Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, А. В. Кириловой, М. В. Томской, О. В. Рябова [1–6] и др. Гендерная лингвистика изучает отражение гендера как социокультурного феномена в языке и охватывает целый ряд взаимосвязанных задач, которые могут быть объединены в две группы на основе противопоставления основного объекта исследования: язык vs. речь.

К первой группе относится отражение гендера в устной и письменной речи мужчин и женщин, в особенностях речевого поведения. В литературе отмечаются особенности речевого поведения мужчин и женщин, представителей разных этноязыковых культур. Например, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова выделяют следующие особенности речевого поведения женщин: употребление уменьшительно-ласкательных слов, прилагательных и наречий, эмоционально-оценочных слов с усилением положительной оценки; в то время как мужчины склонны использовать отрицательную оценку, включая стилистически сниженную бранную лексику. Также женская речь, по мнению исследователей, гиперболлизированно экспрессивна (использование фраз «жутко обидно», «ужасно красивый» и т. п.). Авторами подчеркивается высокая терминологичность мужской речи, ее намеренное огрубление [4].

В зарубежной лингвистике одной из самых известных стала работа Д. Таннен «Ты меня просто не понимаешь. Женщины и мужчины в диалоге», в которой автор анализирует причину коммуникативных неудач мужчин и женщин и объясняет их особенностями социализации в детском и подростковом возрасте, когда общение преимущественно ведется в однополюх группах, а также разными требованиями, предъявляемыми обществом к мужчинам и женщинам [6].

Следующая группа задач, решаемых в гендерной лингвистике, – это изучение гендерных смыслов в языке. В рамках данной задачи изучается отражение гендерных смыслов и стереотипов в лексиконе, синтаксисе, грамматике (прежде всего – в категории рода). Цель данного подхода – описать и объяснить то, как проявляется в языке наличие людей разного пола, проанализировать качества и оценки, приписываемые мужчинам и женщинам, и отражение в языковой семантике гендерных стереотипов – представлений о типично мужском и типично женском. Отмечено, что гендерные стереотипы особенно ярко высвечиваются во фразеологизмах, имеющих метафорическую внутреннюю форму, например, *волос длинный, ум короткий*;

*курица не птица, женщина не человек*; в лексических метафорах (*мужской ум*; *баба* 'о слабом, неуверенном человеке') [7; 8]. В исследованиях отмечается важность изучения интерпретаций гендерных оппозиций в системах метафорических номинаций. В данном случае гендерная проблематика пересекается с проблематикой метафорического миромоделирования, с проблемой выявления метафорического фрагмента языковой картины мира. В контексте этого научного направления метафора понимается как когнитивный механизм, механизм интерпретации действительности, являющийся высокопродуктивным средством создания языковой картины мира (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Н. А. Мишанкина, З. И. Резанова, В. Н. Телия, А. П. Чудинов и др.). На пересечении гендерной проблематики, теории метафоры и теории языкового миромоделирования сформировалась проблема метафорического отражения оппозиции мужского и женского в языковой картине мира [9–14]. В настоящее время установлено, что в сферу интерпретирующего действия метафоры включаются практически все концептуальные сферы (природа, предметный мир, мир движений, эмоций и т. д.), как в качестве сферы-мишени метафорического моделирования, так и в качестве сферы-источника. Концептуальная сфера «человек» при этом может быть охарактеризована как сфера наибольшей активности.

Под гендерными метафорами понимаются не только переносы физических и духовных качеств, характерных для мужчины и женщины, на понятия, не связанные с полом, но и «метафорические именованья мужчин и женщин, выступающие в качестве средства маркирования “типично женских” и “типично мужских” качеств на основе уподобления явлениям разных понятийных рядов» [9, с. 48].

В работах З. И. Резановой сформулировано определение гендерных метафор (гендерно маркированных метафор), выделены их типы (жестко и нежестко гендерно маркированные) и проанализированы источниковедческие возможности толковых словарей и Национального корпуса русского языка при изучении данного типа метафорических номинаций в аспекте их миромоделирующих возможностей [9].

Вслед за З. И. Резановой, мы придерживаемся следующего определения: гендерно немаркированными метафорами называют метафоры, сферой-мишенью которых является человек вообще, без разделения на мужчину и женщину. Например, *лопух* 'о простоватом, несообразительном человеке'. В свою очередь, сферой-мишенью гендерно маркированных метафор является лицо определенного пола, мужчина или женщина: *сирена* 'красивая, обольстительная, но бездушная женщина', *баба* 'о слабом, нерешительном мужчине, мальчике'. В группе гендерно маркированных метафор наблюдается два вида актуализации гендерной асимметрии – жесткое и нежесткое маркирование гендерной семантики в значении. В нежестко гендерно маркированных метафорах сфера-источник может сочетаться с разными сферами-мишенями (мужчина, женщина, человек), при этом основание уподобления может меняться [9]. К таким метафорам можно отнести метафору *обезьяна*. Как показывают контексты Национального корпуса русского языка, сферой-мишенью данной метафоры может выступать женщина, при этом актуализируется смысл «злая»: *Девочки, от которых она ждала дружбы, оказались злыми обезьянами: они скакали вокруг нее, дергали за косы, тыкали пальцами и обидно смеялись* (Л. Улицкая). Когда сфера-источник «обезьяна» вступает в метафорические отношения со сферой-мишенью «мужчина», актуализируется смысл «недоразвитый», например: *А тебе одному неясно! Обезьяна прямоходящая! Рубин наклонялся на Нержина, корпусом на него наседали и тряс растопыренными пятернями* (А. Солженицын) [15].

О. В. Комиссаровой в ряде статей и в диссертационном исследовании на корпусных данных сделаны выводы о том, что гендерный фрагмент русской языковой картины мира формируется посредством актуализации метафор, репрезентирующих разные аспекты и типы признаков при характеристике мужчин и женщин. Так, при метафорическом моделировании образа женщины, согласно О. В. Комиссаровой, доминируют признаки внешнего вида (телосложение, осанка, цвет кожи, волос), при этом значимым аспектом становится эстетическая оценка «красивая/некрасивая» (49 % от общего числа метафорических именованья женщины), в то время как умственные способности и особенности характера и поведения метафорически характеризуются в 5 % и 9 % метафор соответственно. При метафорическом моделировании образа мужчины эстетическая оценка «красивый/некрасивый» актуализируется единичными метафорами. 27 % метафор от общего числа именованья мужчин, описывая признаки внешнего вида, преимущественно характеризуют телосложение мужчины. В фокусе метафорического моделирования образа мужчины находятся интеллектуальные способности, характер, особенности поведения и социально-значимые отношения, что составляет 51 % от общего числа метафорических именованья мужчин [10–14].

Как представляется, необходимо более подробное исследование каждого типа метафор с привлечением всех типов лингвистических источников.

Объектом нашего исследования выступают жестко гендерно маркированные метафоры – метафоры, в которых сфера-мишень «мужчина» и сфера-мишень «женщина» закреплены за определенными сферами-источниками, зафиксированные в толковых словарях русского языка, например, *сокол* 'юноша, мужчина, отличающиеся красотой, смелостью, удалью', *гусыня* 'о нерасторопной, глупой женщине' (данные сферы-мишени получают различную характеристику). В качестве основных источников материала привлекаются данные словарей русского языка [16–20].

В отличие от работы О. В. Комиссаровой, наше исследование проведено только с привлечением данных толковых словарей русского языка [16–20]. Толковые словари – важные источники информации о гендерной асимметрии в репрезентации какого-либо признака как типично мужского или женского, т. к.

наличие маркеров «о мужчине, юноше», «о женщине, девушке, девочке» в словарном толковании свидетельствует о том, что ограничение сферы референции метафорической номинации по гендерному признаку является устойчивым, воспроизводимым, следовательно, данная метафора относится к группе жестко гендерно маркированных метафор [9].

Задача исследования – выделить состав жестко гендерно маркированных метафорических оппозиций и также установить, есть ли различия метафорических характеристик мужчин и женщин (основания уподобления, состав признаков), и таким образом охарактеризовать состав данных метафор как репрезентантов гендерного фрагмента русской языковой картины мира.

Методом сплошной выборки из названных толковых словарей было извлечено 490 гендерных метафор. Далее был проведен анализ словарных толкований и определена сфера денотативной отнесенности метафоры. Мы противопоставляем номинации

с *широкой денотативной отнесенностью* – «человек вообще», например, *кикимора* ‘о человеке, имеющем смешной, нелепый вид’ и

с *узкой денотативной отнесенностью, дифференцированной по гендерному признаку: мужчина, женщина*, например, *монах* ‘о мужчине, ведущем уединенный, аскетичный образ жизни’, *финтифлюшка* ‘о пустой, легкомысленной женщине, думающей только о нарядах, развлечениях и т. п.’ [16–20].

Как показал анализ, в составе метафорических именовании преобладают гендерно немаркированные метафоры (397), что составляет 81 % от общего состава метафор. Данный факт доказывает, что гендерный аспект не является базовым при описании человека, доминирует внегендерная оценка.

Группа жестко гендерно маркированных метафор насчитывает 88 метафор, что составляет 18 % от общего состава метафор. При этом количество метафор со сферой-мишенью «женщина» значительно превышает метафорические именовании со сферой-мишенью «мужчина»: 72 и 16 метафор, что составляет 82 % и 18 % от состава жестко гендерно маркированных метафор, соответственно.

Для того чтобы определить, какие аспекты находятся в фокусе метафорического моделирования в системе именовании мужчин и женщин, и на этой основе выявить гендерный фрагмент русской языковой картины мира, мы проанализировали системы метафорических номинаций в аспекте оснований метафорического уподобления.

В результате были выделены группы жестко гендерно маркированных метафор на основе общности качеств, которые они образно интерпретируют, например, внешний вид (*херувим* ‘красивый юноша или ребенок’, *газель* ‘стройная, грациозная девушка’), характер и поведение (*казанова* ‘соблазнитель’, *донжуан* ‘искатель приключений’, *бесовка* ‘о злой, вздорной женщине’), интеллектуальные способности мужчины и женщины (*недоросль* ‘глуповатый, малоразвитый юноша’, *клуша* ‘тухая, неповоротливая женщина’) [16–20].

При этом данные признаки выявляются как при моделировании образа женщины, так и мужчины, но они отличаются количественно и качественно (набором признаков, характеризующих внешний вид, – телосложение, рост, осанку, внешнюю привлекательность). Рассмотрим полученные результаты подробнее.

Метафоры характеризуют женщину и мужчину, прежде всего, по внешнему виду – 32 и 10 метафор от общего количества метафорических номинаций, соответственно. При этом в фокусе метафорического моделирования внешнего вида женщины находятся такие признаки, как:

– «красивая/некрасивая» (8/6 метафор), например *роза* ‘миловидная, цветущая девушка, женщина’, *кикимора* ‘об **уродливой** или некрасиво одетой женщине’;

– комплекция – «худая, стройная» (4 метафоры): *выдра* ‘об очень худой женщине’, *былинка* ‘молодая, **стройная** женщина, девушка’; «полная, крупная» (8 метафор): *слониха* ‘крупная, неуклюжая женщина’, *пышка* ‘о толстом пухлом ребенке или женщине’, *матрешка* ‘полная, румяная, круглолицая девочка, девушка, напоминающая такую куклу’; «нескладная» (1 метафора): *кобыла* ‘о рослой, **нескладной** женщине’;

– рост (2 метафоры): *кобыла* ‘о рослой, нескладной женщине’, *кубышка* ‘о полном, **малорослом** человеке, **чаще женщине**’;

– походка и осанка (2 метафоры): *газель* ‘стройная, грациозная девушка’ и *пава* ‘женщина с горделивой, величавой осанкой и плавной походкой’;

– сексуальность (1 метафора): *бревно* ‘о сексуально непривлекательной женщине’.

Что касается внешности мужчины, его образ моделируется в аспекте внешней привлекательности только с признаком «красивый» (2 метафоры): *херувим* ‘красивый юноша или ребенок’, *сокол* ‘юноша, мужчина, отличающиеся **красотой**, смелостью, удалью’, также описывается рост – «высокий» (1 метафора): *жеребец* ‘молодой, обычно **рослый**, сильный мужчина’, телосложение – «крупный» (1 метафора): *кабан* ‘о грузном, толстом мужчине’, актуализируется признак «сильный» (2 метафоры), например, *геркулес* ‘символ мужчины, обладающего необыкновенной физической силой и атлетическим сложением’, сексуальность мужчины (4 метафоры), например, *жеребец* ‘о мужчине, до неприличия откровенно проявляющем свои физиологические наклонности’, *кот* ‘о похотливом, сластолюбивом мужчине’.

Вторым признаком, актуализируемым в системе метафорических номинаций, является характер и поведение женщины и мужчины – 30 и 2 метафоры соответственно. При этом образ женщины формируется в следующих аспектах:

– «злая» (8 метафор): *баба-яга* ‘нехорошая, **злая** или некрасивая женщина’, *ведьма* ‘о злой, сварливой женщине’, *фурия* ‘о разъяренной, злобной, сварливой женщине’;

– «бойкая, непоседливая» (4 метафоры): *шилохвостка* ‘о пустой, непоседливой, легкомысленной женщине’, *козочка* ‘бойкая девочка, девушка’;

– «медлительная, неуклюжая» (3 метафоры): *клуша* ‘медлительная, нерасторопная женщина’, *гусыня* ‘о нерасторопной, глупой женщине’;

– «пустая, легкомысленная» (4 метафоры): *вертушка* ‘о легкомысленном, непостоянном, ветреном человеке (преимущественно женщине)’; *финтифлюшка* ‘о пустой, легкомысленной женщине, думающей только о нарядах, развлечениях и т. п.’;

– «грубая, неотесанная» (3 метафоры): *кувалда* ‘о неуклюжей, грубой, неотесанной женщине’, *мужичка* ‘о грубой, невежественной женщине’;

– «хитрая» (1 метафора): *штучка* ‘хитрая, себе на уме девушка’;

– «храбрая» (1 метафора): *львица* ‘храбрая, отважная женщина’;

– «властная» (2 метафоры): *командириша* ‘женщина властная, любящая приказывать’, *жандарм* ‘об очень строгой, привыкшей всеми командовать, женщине’;

– «сплетница» (3 метафоры): *кумушка* ‘любительница пересудов, сплетница’, *шилохвостка* ‘непоседа, сплетница’;

– «целомудренная» (1 метафора): *голубица* ‘целомудренное, невинное, кроткое существо (обычно о девушке)’.

Характер и поведение мужчины моделируется через следующие признаки: «храбрый, смелый» (*сокол* ‘юноша, мужчина, отличающиеся красотой, смелостью, удалью’), «нерешительный» (*баба* ‘о слабом, нерешительном мужчине, мальчике’). Остальные признаки отсутствуют.

На третьем месте находятся метафоры, характеризующие интеллектуальные способности женщины и мужчины – 5 и 1 метафора соответственно. При этом женщину метафоры описывают в аспекте «глупая» (4 метафоры), например, *тетеха* ‘глуповатая, несообразительная, необразованная женщина’, *гусыня* ‘о нерасторопной, глупой женщине’ и «умная» (1 метафора) – *тигрица* ‘умная, хитрая женщина, ведущая себя независимо’. В фокусе моделирования образа мужчины находится только один признак – «глупый» (1 метафора) – *недоросль* ‘глуповатый, малоразвитый юноша; недоучившийся, неразвитый человек’.

Последним, четвертым, признаком, положенным в основу именованной мужчин и женщин, стал возраст мужчины и женщины – 1 и 4 метафоры соответственно. При моделировании образа мужчины выявляется единственный признак «молодой» (1 метафора) – *жеребец* ‘молодой, обычно **рослый**, сильный мужчина’. Образ женщины характеризуется в аспекте двух признаков – «молодая» (2 метафоры), например, *ягодка* ‘употребляется как ласкательное обращение, обозначение хорошенькой девочки, молодой и привлекательной женщины’, и «пожилая» (2 метафоры) – *матрона* ‘почтенная, немолодая женщина’.

Необходимо отметить, что для выражения отношения к женщине также используются собственно оценочные метафоры, актуализирующие общее положительное отношение к женщине на основании широкого спектра признаков, явно не дифференцируемых (7 метафор). Это такие метафоры, как, например, *принцесса* ‘употребляется как эпитет по отношению к девушке, женщине (обычно с оттенком любви, нежности)’, *ягодка* ‘употребляется как ласкательное обращение, обозначение хорошенькой девочки, молодой и привлекательной женщины’. Женщину ласково называют *голубка*, *голубушка*, *лебедка*, *птаха*, *каساتка*, мужчину – *голубь*.

Как показал анализ жестко гендерно маркированных метафор, образ женщины в языковой картине мира смоделирован более подробно и разноаспектно, чем образ мужчины. Так, например, поведение женщины метафорически характеризуется целым набором признаков. Согласно данным толковых словарей, в фокусе метафорического моделирования образа мужчины и женщины находится описание внешности, но образ женщины представлен более целостно. Если при моделировании внешнего вида женщины доминирует признак «красивая/некрасивая», то в фокусе метафорического моделирования образа мужчины находится сексуальность.

Для дополнения данных выводов будут проводиться дальнейшие исследования гендерных метафор на материале корпуса русского языка, а также сравнительный анализ гендерных метафор русского и английского языков с целью выявить общие черты и различия языковых картин мира двух культур.

#### Список использованных источников

1. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты: монография. – М., 1999. – 155 с.
2. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. – № 2 (23). – М., 2005. – С. 112–132.
3. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования: В 2 ч.: Учеб. пособие / Под. ред. И. Жеребкиной. – Ч. 1. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алтейя, 2001. – С. 508–542.
4. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование. – М.: Наука, 1993. – С. 90–136.
5. Рябов О. В. Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. – М.: Ладомир, 2001. – 202 с.
6. Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
7. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 152 с.

8. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 178–204.
9. Резанова З. И. Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 2 (14). – С. 47–57.
10. Резанова З. И., Комиссарова О. В. Метафора в моделировании гендерных оппозиций: методика анализа, типология // Язык и культура. – № 2 (18). – Томск: Изд-во ТГУ, 2012. – С. 80–90.
11. Резанова З. И., Комиссарова О. В. Метафора в моделировании гендерных оппозиций: фрагмент русской языковой картины мира // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 184–192.
12. Комиссарова О. В. Гендерно маркированные метафоры в русском языке // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. мат-лов IX Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. Ч. 2. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009. – С. 169–177.
13. Комиссарова О. В. Фразеологический фонд русского языка: способы маркирования гендерных оппозиций // Язык и культура. – № 2 (10). – Томск: Изд-во ТГУ, 2010. – С. 22–27.
14. Комиссарова О. В. Метафорическое моделирование гендерной оппозиции в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2012. – 219 с.
15. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: [www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru) (дата обращения: 12.05.2015).
16. Словарь русского языка: в 4 т / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1–4.
17. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935–1940.
18. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992. – 928 с.
20. Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 15.04.2015).

*Научный руководитель З. И. Резанова, д-р филол. наук, профессор ТПУ*

Хлебникова А. Л., аспирант, преподаватель

**Национальный исследовательский Томский политехнический университет**

E-mail: [anastasia22@ngs.ru](mailto:anastasia22@ngs.ru)

*Khlebnikova A. L.*

## **STRICTLY GENDER MARKED METAPHORS IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

The article presents the results of research on gender metaphors in terms of their modelling capacity. The research is carried out as part of cognitive study of metaphors, in which metaphor is thought of as a cognitive mechanism, a way of interpretation of reality based on analogical comparison. The subject matter of the analysis is gender metaphors – nominations of men and women that serve as means of marking «typically feminine» and «typically masculine» qualities based on comparison between the phenomena of various conceptual categories. The article has to do with the subtype of gender metaphors called strictly gender marked metaphors in which the opposition of target domain «man» and «woman» is related to different types of source domain modelling. As the main sources of data for metaphor study dictionaries of the Russian language are made use of. As a result, aspects of characteristics of men and women are revealed together with the basis of metaphorical comparison and source domains of metaphorical modelling. Comparative analysis of man's and woman's images that were formed in the system of gender metaphors in the Russian world view is conducted.

*Keywords:* gender metaphor, strictly gender marked metaphor, gender based stereotype, linguistic world view, target domain, source domain.

Khlebnikova A. L., graduate student, senior lecturer

**National Research Tomsk Polytechnic University**

E-mail: [anastasia22@ngs.ru](mailto:anastasia22@ngs.ru)

*Казарян А. А.*

## **ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ)**

В статье проводится исследование основных лексико-грамматических особенностей технической документации на материале текстов технических описаний в русском и английском языках. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием науки и техники, что ведет к непрерывному изменению современных научно-технических текстов. В ходе анализа лексических особенностей были изучены термины, специальная лексика, сокращения и интернациональная лексика. Среди грамматических категорий были изучены абстрактность изложения (номинализация), настоящее время глагола, страдательный залог и герундий.

*Ключевые слова:* техническое описание, техническая документация, лексические особенности, грамматические особенности.